

Это сладкое слово «МЕСТЬ»

54

После полуночи мы обычно выходим погулять. Кладбище наше находится в черте города. Раньше это была окраина, но городской район, хоть и старый, в последние годы разросся, и за оградой после кладбищенской тьмы мы оказываемся на почти солнечной от ярких фонарей улице...

Мы это – Витёк, Робка, Руст и я – весёлая компания, сложившаяся ещё в школьные годы. Они, кореша мои верные, ушли много раньше меня. Витёк получил в неравной схватке перо в бок. Робку застрелил мафиозник за подрез его «мерса» до обиды раздолбанной колымагой. Для мафиозника «до обиды», а Робка-то свою «старушку» любил. Когда ему советовали продать её и купить что-нибудь попримечнее, он отвечал: друзей не продают. Если б Робка свой манёвр совершил на достойной тачке, то фраер тот, может, и не взбеленился бы. Конечно, мы это так не оставили. Отомстили. Мсть же – святое дело. Но отомстили бумерангом и нам. Роберта не стало через неделю. Один Рустик умер своей смертью. Ещё в детстве врачи сказали его родителям, что он проживёт лишь до девятнадцати – врождённый порок сердца. Так и случилось. Но Руст был такой горячий, такой сорвиголова... я думал, он и до предсказанного не дотянет.

Я? А что – я? Продолжил жить. Бедные мои, они так и не увидели меня в просторном кабинете за большим дубовым столом специального корреспондента солидной газеты, не прочли

ни строчки моих острых, как нож Рустика, статей о современном криминале, который им в те времена и не снился. Да, я стал журналистом, успешным, уважаемым, как по первым строкам своих статей, так и по первым шагам в многолюдных заведениях.

Однако сейчас, в эту полночь, меня не то что никто не узнаёт, но и не видит. Я стал бестелесным, превратился в невесомый и бесформенный эфир, в дуновение лёгкого ветерка, как и мои дружбаны. Дружба, оказывается, если она настоящая, то и т а м, как скинешь одежду телес, остаётся.

Не остаётся – делается вечной.

Летим по улице, кружим, вскидываем чёлки девиц. Почему-то за полночь их, одиноких, торопящихся, попадает больше всяких прочих... Ни парочек тебе тихих, ни ребят тебе шумных... Пустынно. Шуршат лишь тростиночки милые и беззащитные. Откуда так поздно?

– Не такие уж они ангелочки с крылышками! – бурчит Витёк, заглядывая в их лица, будто ищет кого.

Я тоже заглядываю в тени под чёлочками, как будто тоже хочу увидеть кого-то.

* * *

Ещё по юности, точно ступени ракеты, сгорели мои друзья, а я полетел по жизни дальше. Каким-то образом за ум взялся, остепенился, хотя тогда и тридцати не было. Что поделать – таковы законы природы! Человек меняется. Писа-

кой вот профессиональным заделался. Значит, всё-таки были у меня задатки – не только собак по улицам гонять.

...Она частенько стала заходить ко мне в кабинет. Протянет листки со своими текстами, встанет рядом и, пока читаю, ладошку на голову мне положит,

потеребит солому ласково, на шею затем пальчики опустит... Я молод, пригож собою, на всё красивое и симпатичное отзывчив. И однажды зовёт она к себе домой. Муж, мол, в командировке. Если женщина просит... Как там в песне поётся?

Выпил, конечно, перед свиданием. Мало, показалось, добавил... Взял такси и – вперёд! Не буду описывать, как при свечах ужинали, как поднимали вспыхивавшие искрами фужеры, как то да сё... Скажу только, что у меня не получилось. Всё было... Но вот победного салюта не было. Всё-таки перепил, видать.

Ладно, что поделатъ, случается...

Я быстро забываюсь в работе, которая с некоторых пор очаровала меня пуще любой раскрасавицы. Всё бы ничего, только та, у которой гостил при свечах, заболела. В больницу угодила с воспалением каким-то. Дело до операции дошло. Посещал её наш профком. Я тоже деньги сдавал на гостинцы, но сам к ней не ездил. У неё безвылазно дежурил муж, хороший, правильный человек, работал военпредом на оборонном заводе. Антоном его звали. Согласитесь, тяжеловесное, тоннажное имя – А н т о н! И ему он соответствовал. Мужик был какой-то неповоротливый, прямолинейный, как грузовой самолёт Ан-124. Его я так и звал в шутку «Ан-124», когда встречались на разных коллективных вечеринках и пикниках. Он не обижался. Казалось, отродясь не умел это делать. У него такого нерва не было, что ли?

Ухаживал он за больной женой, как за ребёнком. И она, благодарная, в порыве откровения или очищения – не знаю, как сказать, призналась в своей измене. Мало того, и любовника назвала, то есть меня. Надо же, там ведь, честно говоря, кроме свечей и фужеров, ничего и не было. А меня уж в любовники записали. Мазохистка какая-то! Она и мне о своём признании рассказала. И про «любовника» я не придумал, это в её устах прозвучало, в момент признания своему благоверному, а после – и в пересказе мне.

Дело в том, что по-настоящему-то любовником я был у другой женщины. И по-настоящему её любил. Уже два года и три месяца. Даже в дневнике фиксировал наши тайные встречи. Поэтому и говорю с такой точностью.

Её звали Наркис. Мы познакомились, когда я пришёл собирать материал для

газеты к её начальнику – генеральному директору ООО... Она работала там у него тогда без году неделя.

Наркис была не броско красива, утончённа, нежна, как сам этот цветок. Наркис ведь с татарского переводится как нарцисс. Мы с первого взгляда поняли, что любим друг друга. Но в неё влюбился, точнее, позарился на неё и наш Генерал – так своего генерального называл коллектив. Он стал помогать, преследовать её – то догонит, пешую, на своём джипе и напрашивается в провожатые: подвезу да подвезу; то на шашлыки в рабочее время начинает зазывать; а то вызовет к себе в кабинет, запрет за ней дверь и лезет целоваться.

Наркис была замужем, и я не мог пойти к Генералу и по-мужски объяснить с ним. Я имел на неё права такие же, как и этот начальствующий тип. Вернее, как и он, не имел никаких прав. Однако дело разворачивалось таким образом, что я всё знал о его поползновениях, а он прекрасно знал о наших отношениях. Ничего не ведал только её муж – страшный ревнивец, мастер спорта по боксу, с некоторых пор дальнобойщик... Он, можно сказать, с боем взял Наркис в жёны, переломав конкурентам носы и челюсти. Она думала: стерпится-слюбится. К тому всё и шло. Но тут волей судьбы я подвернулся. Фу ты, как некрасиво – п о д в е р н у л с я!

Но тут волей судьбы наши взгляды встретились...

Однажды я не выдержал, когда Генерал в очередной раз запер за ней дверь своего кабинета, и она рассказала мне об этом. А кому ещё? Не мужу же... Я прорвался к нему в кабинет, защёлкнул за собой дверь и сказал, что если ещё раз это повторится, убью. Он рассмеялся в ответ:

– Из-за этой пигалицы!

– Нет, – был мой ответ, – за себя отомщу. За то, что ты осознанно встал на моём пути.

Такие люди, взобравшись на высокое кресло, зачастую не с помощью собственных способностей, быстро отрываются от реальной жизни и забывают

главный закон Земли – закон гравитации, который гласит: для червей в земле все равны – и царь, и бомж, и даже гендиректор ООО... *Memento mori* – помни о смерти!

– Ну ты даёшь! – хмыкнул Генерал. – Неужели это стоит того?! Из-за какой-то... – он продолжал гнуть своё. То ли прикидывался, то ли оттягивал время, а возможно, повёл какую-то свою игру. Может даже, моя решительность постоять за свою любовь пробудила в нём какие-то неведомые доселе чувства к Наркис.

Я не ошибся. Он поехал в Москву и вызвал подчинённую туда с годовым отчётом. Конечно, там одолел её, уединённую, беззащитную, без мужа, без меня...

Вернулась она сама не своя, в какой-то чёрной, беспросветной депрессии. Её второй раз взяли без любви. Для многих, скорей всего, это и не трагедия. Но Наркис была слишком тонка, слишком хрупка. Я хорошо знал её. Она всегда и во всём считала себя виноватой. И на сей раз главной виновницей, уверен, посчитала только саму себя.

Перед кем виноватой-то – перед мужем, которого наперекор себе терпела и не перетерпела? передо мной, который появлялся, как майское солнышко после дождичка в четверг? Это с моей точки зрения. А что думала сама? Ладно, когда не знала любви и появился вдруг на пороге большой жизни боксёр, которому не перечешь. Но ведь тут-то, до этого высокопоставленного мерзавца, она уже познала свою первую и настоящую любовь.

Через день по приезде из Москвы её увезли в клинику с решётками на окнах...

Мать Рустика, после его смерти, раздала все его вещи друзьям. Мне достал-

ся его знаменитый финский нож, лезвие которого выскакивало из колодки, подобно жалю змеи, из её чрева. Приставь к животу врага ручку этого ножа, нажми легонечко на кнопку, и жало его выскочит с такой стремительностью и мощностью, что и без взмаха руки врежется в гада по самую рукоять.

Но я размахнулся снизу вверх со всей силы... Только прежде глянув кратко Генералу в глаза и увидев в них всем не генеральское выражение.

– Это тебе за Наркис, – сказал я внятно и спокойно.

Неторопливо вышел из его кабинета, плотно закрыл за собой дверь. Минуту лифт, спустился по лестнице. Свежий, чистый ветер, какой бывает после долгожданного дождя, обдал моё лицо, забрался под расстёгнутую на груди рубашку. Я пошёл к двору, где оставил машину.

Из-за угла навстречу мне вышел Антон.

Ан-124 – доброе, прямолинейное создание. В руке военпреда чернел «стечкин». Знаете, я даже не испугался. Мне просто стало интересно, что сподвигло его на такой шаг – медленно раскрутившаяся, как пропеллеры грузового самолёта, ревность? задетое самолюбие офицера? или благородное чувство мести? Не знаю. Он поднял ствол...

* * *

...и вот я присоединился к моим друзьям, оставившим меня на непродолжительное время на грешной юдоли. И мы летим вместе, беззаботно переговариваясь, вспоминая былое, по освещённой жёлтыми фонарями улице, тормозим запоздалых прохожих, среди которых большинство – девицы. Мы заглядываем в их лица, и каждый, как и я, хочет, наверное, увидеть в них свою земную любовь.

12. 04. 2015.